

Принцип добросовестности при исполнении и прекращении договорных обязательств в гражданском праве России и Вьетнама

Лыу Ань Тхинь

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: luuanhthinhhqb91@gmail.com

Problematic Issues of the Application of the Principle of Good Faith in the Civil Law of the Russian Federation and Vietnam

Luu Anh Thinh

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,

36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: luuanhthinhhqb91@gmail.com

Поступила 13.08.2025 Принята к печати 02.09.2025

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ принципа добросовестности при исполнении и прекращении договорных обязательств в гражданском праве Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам. Предмет исследования – содержание и применение принципа добросовестности сторонами договора в двух правовых системах. Методология основана на сравнительно-правовом, системном и формально-юридическом методах: исследуются нормативные акты (гражданские кодексы России и Вьетнама), судебная практика и доктринальные источники. Научная новизна заключается в сопоставлении подходов двух различных правовых систем (российской, находящейся под влиянием европейской континентальной традиции, и вьетнамской, формировавшейся под влиянием социалистической и французской традиций) к реализации принципа добросовестности. Выявляются общие тенденции, такие как признание добросовестности основополагающим началом и требование честного поведения сторон на всех этапах обязательства, а также различия, например, в степени конкретизации данного принципа в законодательстве и его практической реализации судами. Выводы подтверждают, что в обеих странах принцип добросовестности играет ключевую роль в обеспечении справедливости и стабильности гражданского оборота: стороны должны действовать честно и разумно при выполнении договоров и их прекращении, не злоупотреблять правами и сотрудничать друг с другом. В российском праве данный принцип законодательно закреплён и детализирован судебными разъяснениями, предусматривающими, в частности, недопустимость извлечения выгоды из недобросовестного поведения. Во вьетнамском праве принцип добросовестности также провозглашён в качестве общего правила поведения участников гражданских правоотношений на всех стадиях договора, хотя его формулировка носит более общий характер. Приводятся примеры судебной практики и доктринальные мнения известных учёных, подтверждающие значимость принципа добросовестности как в России, так и во Вьетнаме, и подчёркивается необходимость дальнейшего уточнения критериев добросовестного поведения для эффективного правоприменения.

Ключевые слова: добросовестность, исполнение обязательств, прекращение обязательств, гражданское право, договор, Россия, Вьетнам, сравнительное право, судебная практика, злоупотребление правом, принцип презумпции, доверие, честность, информационная обязанность.

Abstract

The article provides a comparative legal analysis of the principle of good faith in the performance and termination of contractual obligations in the civil law of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam. The subject of the study is the content and application of the principle of good faith by the parties to the contract in two legal systems. The methodology is based on comparative legal, systemic and formal legal methods: regulatory acts (civil codes of Russia and Vietnam), judicial practice and doctrinal sources are studied. Scientific

novelty lies in comparing the approaches of two different legal systems (Russian, influenced by the European continental tradition, and Vietnamese, formed under the influence of the socialist and French traditions) to the implementation of the principle of good faith. General trends are revealed, such as recognition of good faith as a fundamental principle and the requirement of honest behavior of the parties at all stages of the obligation, as well as differences, for example, in the degree of specification of this principle in legislation and its practical implementation by the courts. The findings confirm that in both countries the principle of good faith plays a key role in ensuring fairness and stability in civil transactions: parties must act honestly and reasonably when executing contracts and terminating them, not abuse their rights and cooperate with each other. In Russian law, this principle is legislatively enshrined and detailed by judicial clarifications, which provide, in particular, for the inadmissibility of deriving benefits from bad faith behavior. In Vietnamese law, the principle of good faith is also proclaimed as a general rule of conduct for participants in civil legal relations at all stages of the contract, although its wording is more general. Examples of judicial practice and doctrinal opinions of famous scholars are given, confirming the importance of the principle of good faith in both Russia and Vietnam, and the need for further clarification of the criteria for good faith behavior for effective law enforcement is emphasized.

Keywords: good faith, performance of obligations, termination of obligations, civil law, contract, Russia, Vietnam, comparative law, judicial practice, abuse of rights, presumption principle, trust, honesty, information duty.

Введение. Принцип добросовестности (*bona fides*) является одним из фундаментальных начал гражданского права, отражающим требование честного, разумного и справедливого поведения участников гражданского оборота. Его истоки восходят к римскому праву, где добрая совесть (*bonā fidēs*) означала отсутствие злого умысла и соблюдение взаимного доверия между сторонами сделки. В современном праве разных государств этот принцип получил развитие и конкретизацию, служа важным регулятором поведения сторон при заключении, исполнении и прекращении договоров. Российская и вьетнамская правовые системы – две континентальные системы, которые, несмотря на различный историко-культурный контекст, обе закрепили принцип добросовестности законодательно. При этом существуют особенности в том, как данный принцип понимается и применяется на практике в каждой из стран.

Актуальность исследования обусловлена тем, что добросовестное поведение сторон рассматривается как условие устойчивости гражданского оборота и справедливости в договорных отношениях. В России лишь в 2013 г. принцип добросовестности был прямо закреплён в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) в качестве общего принципа, тогда как во Вьетнаме схожий принцип (именуемый «принципом *thiện chí, trung thực*», т. е. принципом доброй воли и честности) присутствует в гражданском законодательстве уже несколько десятилетий. Сравнительное изучение позволяет выявить, как законодатель и суды двух стран решают сходные задачи, такие как предотвращение злоупотребле-

ния правами, обеспечение исполнения договоров согласно духу соглашения, защита интересов добросовестной стороны при прекращении обязательства и др.

Цель статьи – раскрыть содержание принципа добросовестности при исполнении и прекращении договорных обязательств в праве России и Вьетнама, проанализировать законодательные формулировки, практику применения (включая примеры судебных решений) и мнения доктрины, а также выявить общие черты и особенности. Статья структурирована следующим образом: сначала рассматривается регулирование принципа добросовестности в российском гражданском праве, затем – во вьетнамском, после чего приводится их непосредственное сравнение и формулируются выводы.

Основная часть. В российском гражданском праве принцип добросовестности получил нормативное выражение в ГК РФ. Общая норма-принцип содержится в пункте 3 статьи 1 ГК РФ: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно»¹. Таким образом, добросовестность предъявляется как требование ко всем участникам гражданского оборота на всех стадиях – от заключения сделки и ее исполнения до защиты нарушенного права. Дополняет эту норму правило пункта 4 той

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

же статьи о том, что «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Следует отметить, что законодатель прямо не дал определения термина «добросовестность». В доктрине обращается внимание на отсутствие в законе четких критериев добросовестного поведения, что порождает дискуссии и сложность правоприменения. Многообразие ситуаций, в которых используется термин «добросовестность», позволяет рассматривать его в различных качествах – и как общее начало (принцип) права, и как презумпцию (предположение) в конкретных случаях, и как предел осуществления гражданских прав, и как оценочное понятие, зависящее от усмотрения суда. Так, Е. А. Суханов, выдающийся российский цивилист, указывает, что принципы добросовестности, разумности и справедливости следует признать общими принципами осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей участников оборота¹. Это подчеркивает фундаментальный характер добросовестности именно в плоскости поведения сторон, хотя сам по себе данный принцип не выступает непосредственной нормой, из которой прямо вытекают обязанности без дополнительной конкретизации.

В российском законодательстве действует императивное правило: обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями договора и требованиями закона (ст. 309 ГК РФ). Хотя в тексте статьи 309 прямо не упоминается добросовестность, подразумевается, что надлежащее исполнение охватывает и честное поведение. Общие нормы, заложенные в статьях 1 и 307 (п. 3) ГК РФ, априори применяются к исполнению любого договора. Это означает, что при реализации своих договорных прав и обязанностей стороны не должны совершать действий, противоречащих разумным ожиданиям другой стороны и цели договора.

На практике принцип добросовестности конкретизируется через ряд обязанностей и запретов для сторон договора. Во-первых, это обязанность сотрудничества и информационная обязанность, прямо указанная в статье 307(3) ГК РФ. Например, Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) разъяснил, что, оценивая поведение сторон на предмет добросовестности,

следует исходить из модели поведения, ожидаемой от любого участника оборота: учета прав и законных интересов другой стороны и содействия ей, в том числе в получении необходимой информации². Таким образом, сокрытие важной информации, утаивание фактов, которые могли бы повлиять на исполнение обязательства, могут расцениваться как недобросовестное поведение.

Конкретный пример дает судебная практика по договорам купли-продажи недвижимости. Продавец обязан сообщить покупателю обо всех известных ему недостатках продаваемого имущества, включая скрытые дефекты, а также об иных обстоятельствах, которые имеют значение для покупателя. Если продавец умолчал о таких обстоятельствах, которые он должен был сообщить при той добросовестности, какая требуется от него по обычаям оборота, это может повлечь признание сделки недействительной по иску покупателя как совершенной под влиянием заблуждения или обмана. В самом деле, недобросовестное поведение продавца – утаивание существенной информации – противоречит требованиям добросовестности при исполнении договора и является формой злоупотребления правом. Закон предусматривает в таких случаях защиту добросовестной стороны: покупатель может либо требовать снижения цены, возмещения убытков, либо добиваться расторжения договора и признания его недействительным (в зависимости от квалификации ситуации как обмана, существенного заблуждения и т. д., напр., ст. 178–179 ГК РФ).

Во-вторых, принцип добросовестности при исполнении проявляется в запрете злоупотребления правом. Сторона договора не должна осуществлять свои права исключительно с намерением причинить вред контрагенту либо иным заведомо недобросовестным способом (ст. 10 ГК РФ). Например, кредитор по договору не вправе искусственно создавать условия для нарушения обязательства должником, чтобы затем взыскать неустойку: такие действия могли бы быть расценены судом как злоупотребление правом и недобросовестное поведение, и суд откажет в защите права кредитора в части взыскания непропорциональной неустойки.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

¹ Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 2 т. – Т. 1. – М. : Статут, 2016.

В-третьих, российское право, внедряя принцип добросовестности, развивает и институт эстоппеля – запрета противоречивого поведения. Хотя термин «эстоппель» прямо не употребляется в ГК РФ, его суть вытекает из требований добросовестности. Например, если сторона своими действиями дала контрагенту основание полагаться на определенное положение вещей, она не может впоследствии внезапно действовать вопреки ранее созданному ею же впечатлению, нанося ущерб добросовестно доверившейся стороне. ВС РФ фактически поддержал эту идею, указав, что явное отклонение поведения участника оборота от добросовестности может быть пресечено судом по собственной инициативе суда, даже если другая сторона прямо не сослалась на недобросовестность¹. Это означает, что суд может отказать в иске стороне, чье поведение было противоречивым и не соответствующим требованию добросовестности, во исполнение принципа *nemo auditur propriam turpitudinem allegans* (никто не должен извлекать выгоду из собственного неправомерного поведения).

Особое значение добросовестность имеет при одностороннем отказе от договора. Российское право допускает одностороннее прекращение договора в случаях, предусмотренных законом или договором (ст. 450.1, 450 ГК РФ). Однако реализация права на односторонний отказ должна происходить добросовестно. Если сторона формально опирается на условие договора о праве на отказ, но делает это вопреки цели договора и без достаточных оснований, чтобы лишь избавиться от обязательств в ущерб добросовестному контрагенту, такое поведение может быть признано злоупотреблением правом. Например, ВС РФ в ряде дел обращал внимание, что право на односторонний отказ не должно осуществляться произвольно или в противоречии с разумными ожиданиями другой стороны². Применение статьи 10 ГК РФ (запрет злоупотребления) и принципа добросовестности здесь служит «филь-

тром», не позволяющим недобросовестно воспользоваться правом на расторжение. В итоге, если будет доказано, что сторона воспользовалась правом на отказ недобросовестно – например, заранее намереваясь заключить более выгодный контракт с третьим лицом и используя незначительный проступок партнера как предлог для расторжения, – суд может признать такой отказ неправомерным и сохранить договор в силе либо взыскать убытки с недобросовестной стороны.

Судебная практика в России постепенно наполняет принцип добросовестности конкретным содержанием применительно к прекращению обязательств. Так, если договор расторгается ввиду нарушения со стороны должника, добросовестность требует от кредитора своевременно и ясно заявить требования о расторжении. Затягивание с объявлением о расторжении с тем, чтобы накопились неустойки, могло бы рассматриваться как недобросовестное поведение кредитора. Пленум ВС РФ разъяснил, что поведение стороны может быть признано недобросовестным и вне зависимости от заявления другой стороны – суд вправе констатировать очевидную недобросовестность сам³. Поэтому, например, если по делу будет видно, что сторона А сознательно вводила в заблуждение сторону Б относительно своего намерения продолжать договор до истечения срока, а сама тайно готовилась прекратить отношения, суд может на основании принципа добросовестности отказать стороне А во взыскании, скажем, штрафов за период, когда она сама уклонялась от добросовестного поведения.

Для единообразного понимания судами принципа добросовестности ВС РФ издал Постановление Пленума № 25 от 23 июня 2015 г., где специально остановился на критериях добросовестного поведения. Суд указал, что добросовестность поведения стороны предполагается (что мы уже отмечали как презумпцию) и что при оценке действий необходимо исходить из поведения, ожидаемого от любого нормального участника оборота, который уважает права другой стороны, сотрудничает с ней и предоставляет необходимую информацию. Таким образом, ВС

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2019 г. № 305-ЭС18-13862 по делу № А40-166758/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 5.

РФ фактически дал ориентиры: добросовестная сторона – это сторона, которая ведет себя открыто, честно, не скрывая существенных фактов, и помогает другой стороне достигнуть цели договора в разумных пределах. Недобросовестной будет признана сторона, которая действует вопреки таким ожиданиям, например, умышленно вводит партнера в заблуждение, умалчивает о обстоятельствах, использует противоречивое поведение или извлекает выгоду из незаконной ситуации, которую сама же и создала.

Доктрина гражданского права в России подержала закрепление принципа добросовестности, видя в этом шаг к «очеловечиванию» и морально-этическому обогащению гражданско-правового регулирования. Многие авторы отмечали, что внедрение данного принципа – проявление так называемой социализации гражданского права, стремление государства укрепить нравственные начала в частноправовых отношениях. Ученые указывают и на трудности применения столь общей категории. Отсутствие легального определения и четких критериев породило разные трактовки: одни считают добросовестность общей обязанностью (требованием) для участников, другие – оценочной категорией, предоставляющей суду свободу усмотрения, третьи подчеркивают роль презумпции (как уже отмечалось, ГК содержит презумпцию добросовестности) [1].

Тем не менее, несмотря на дискуссии, в российской практике все чаще встречаются ссылки судов на принцип добросовестности. Он применяется как в корпоративных спорах, так и в спорах из договоров (например, при оценке поведения сторон в ходе исполнения контракта или реализации права на отказ). Известны случаи, когда суды, ссылаясь на статью 1 ГК РФ, отказывали истцу в удовлетворении его требований, если установлено, что истец сам вел себя недобросовестно в отношениях с ответчиком. Таким образом, суд подтверждает: принцип добросовестности имеет нормативное значение и может служить основанием для правовых последствий (таких как отказ в защите права, взыскание убытков, признание сделки недействительной и т. п.) даже при отсутствии прямой нормы, если поведение стороны явно противоречит требуемой добросовестности¹.

В литературе подчеркивается связь принципа добросовестности с категорией справедливости. Добросовестное поведение, по сути, направлено на достижение справедливого баланса интересов сторон. Еще дореволюционный цивилист В. П. Грибанов отмечал, что добросовестность означает оправдание доверия, без которого невозможен гражданский оборот [2]. Современные авторы призывают законодателя и суды вырабатывать более конкретные критерии добросовестности применительно к новым формам отношений – например, в электронной коммерции, сложных финансовых сделках, – чтобы участники оборота заранее могли прогнозировать, какое поведение будет сочтено добросовестным. Несмотря на отсутствие универсальной формулы, уже сейчас можно сказать, что в российском гражданском праве добросовестность превратилась из абстрактного этического императива в рабочий инструмент юридического анализа, влияющий на исход споров и толкование договоров.

Гражданское законодательство Социалистической Республики Вьетнам так же, как и российское, признает принцип добросовестности одним из основных. Современная формулировка содержится в статье 3 Гражданского кодекса (далее – ГК) Вьетнама 2015 г. Пункт 3 статьи 3 гласит: «Физические и юридические лица должны осуществлять установление, исполнение и прекращение своих гражданских прав и обязательств доброй волей и честно»². По-вьетнамски используется формулировка «*thiện chí, trung thực*», что дословно означает «добрая воля и честность». Эта норма практически дословно эквивалентна российскому требованию действовать добросовестно при осуществлении прав и исполнении обязательств, с охватом всех стадий гражданских правоотношений – от их установления до прекращения. Важно отметить, что в редакции 2015 г. прямо указано, что принцип добросовестности действует и при прекращении прав и обязанностей, что совпадает с подходом ГК РФ (ст. 307(3)).

Принцип добросовестности был закреплен во вьетнамском праве еще до принятия ГК 2015 г. Уже первый ГК объединенного Вьетнама 1995 г. признавал принцип *thiện chí, trung thực* в каче-

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : в 2 т. – Т. 1: Общие положения. – М. : Статут, 1997.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

стве основополагающего¹. В доктрине отмечается, что ГК 1995 г. предусматривал обязанность сторон действовать добросовестно и честно, причем подчеркивалось: стороны должны заботиться не только о своих правах и законных интересах, но и уважать интересы государства, общественные интересы, права и законные интересы других лиц, а также помогать друг другу в осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей. Такая широкая формулировка отражала социалистический характер права Вьетнама того периода – добросовестность связывалась не только с взаимоотношениями сторон, но и с более широким контекстом (уважение общественных интересов).

В ГК 2005 г. принцип *thiện chí, trung thực* был подтвержден, хотя формулировка несколько изменилась. Например, вьетнамские юристы отмечают, что в ГК 2005 г. во вводной статье 6 прямо указывалось: «В гражданских правоотношениях стороны должны действовать добросовестно и честно, ни одна из сторон не должна обманывать другую». Последняя фраза явно запрещает обман при осуществлении прав и обязанностей, дополняя принцип добросовестности конкретным запретом. В ГК 2015 г. при обновлении формулировки принципа эту фразу об обмане исключили, ограничившись общей обязанностью действовать добросовестно и честно. Видимо, законодатель посчитал, что общий принцип охватывает и запрет обмана, а детализация не нужна либо избыточна. Тем не менее сам по себе обман как порок воли остался в нормах о недействительности сделок (что будет рассмотрено ниже).

Таким образом, современное вьетнамское гражданское право закрепляет принцип добросовестности (доброй воли и честности) на самом высоком уровне, делая его обязательным для всех участников. Примечательно сходство с российским подходом: в обоих случаях этот принцип включен в число основных начал гражданского законодательства, задающих тон для всего правового регулирования договорных отношений.

Вьетнамское право распространяет принцип *thiện chí, trung thực* на все стадии гражданских

правоотношений. Это подчеркивается тем, что в формулировке закона названы установление, исполнение и прекращение гражданских прав и обязанностей. По сути, это означает, что уже на стадии преддоговорных переговоров стороны обязаны действовать честно, в ходе исполнения договора – тем более, и даже при его завершении (например, при расторжении) они не освобождаются от требования доброй воли [7].

Для коммерческих отношений во Вьетнаме принцип добросовестности также крайне важен. Существует специальный Закон о торговле 2005 г., статья 6 которого требует от предпринимателей и коммерческих организаций действовать добросовестно во всех коммерческих транзакциях. Это свидетельствует о том, что принцип носит универсальный характер, пронизывая как общегражданские отношения, так и специальные коммерческие. По сути, вьетнамский законодатель дублирует требование добросовестности, упоминая о нем и в ГК, и в коммерческом законодательстве и усиливая тем самым его значение [6].

Конкретное содержание принципа *thiện chí, trung thực* прямо в законе не раскрыто, что схоже с ситуацией в России – общая норма дана без детальной регламентации. В юридической литературе Вьетнама отмечается, что положение ГК 2015 г. о добросовестности сформулировано «довольно широко и абстрактно» и что закон не содержит дополнительных критериев или разъяснений к этому принципу. В связи с этим возникают вопросы: может ли принцип сам по себе быть прямым основанием для требований стороны или отказа в защите права и как он соотносится с другими нормами? Здесь можно провести параллель с российской доктриной: в обоих случаях юристы указывают на проблемы неопределенности содержания принципа добросовестности и призывают к конкретизации на уровне судебной практики или разъяснений².

Тем не менее некоторые ориентиры во вьетнамском праве все же имеются, особенно если рассмотреть нормы о последствиях недобросовестного поведения. Обман и введение в заблуждение прямо квалифицируются законом как основания для признания недействительности

¹ Гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 24 ноября 2015 г. (вступил в силу 01.01.2017) [официальный перевод на английский язык] // Legal Normative Documents Database of Vietnam. – URL: <https://vbpl.vn> (дата обращения: 07.05.2025).

² Закон Вьетнама о торговле от 14 июня 2005 г. № 36/2005/QH11 [официальный перевод на английский язык] // Legal Normative Documents Database of Vietnam. – URL: <https://vbpl.vn> (дата обращения: 07.05.2025).

сделок. Так, статья 127 ГК Вьетнама 2015 г. относит обман (fraud) к порокам, вследствие которых сделка (договор) может быть признана недействительной. Если сторона при заключении договора умышленно сообщила ложные сведения или утаила существенные факты, чтобы побудить другую сторону заключить договор, – это считается недобросовестным действием, дающим потерпевшему право добиваться аннулирования договора.

Следует отметить и относительно новое для Вьетнама явление – прецедентную практику. В 2016 г. Верховный народный суд Вьетнама получил полномочия публиковать так называемые «прецеденты» – решения по конкретным делам, которым придается значение образца для нижестоящих судов. Хотя система прецедентов во Вьетнаме еще в зачаточном состоянии, уже отобраны десятки решений, важных для единообразия практики. Не исключено, что со временем среди них появятся дела, связанные с принципом добросовестности, особенно если это будут сложные коммерческие споры. Пока же основным источником руководства для судов остаются тексты законов и их официальное толкование. Прямых разъяснений Верховного суда Вьетнама, аналогичных российскому Постановлению Пленума 2015 г., касательно принципа *thiện chí, trung thực* не издавалось. Это может объясняться тем, что сам принцип закреплён в кодексе достаточно недавно (в 2015 г.), и практика только вырабатывает подходы к его использованию¹.

В открытых источниках относительно немного информации о конкретных судебных решениях по принципу добросовестности, что частично связано с тем, что подробные решения судов во Вьетнаме публикуются редко. Однако анализ имеющихся обзоров показывает типичные ситуации.

Один из распространенных случаев – споры о признании сделки недействительной по причине обмана. Например, если продавец продал недвижимость, утаив от покупателя информацию о правовом дефекте (например, что недвижимость заложена банку или по ней идет судебный спор), суд может признать такой договор недействительным как совершенный без доброй воли и

честности со стороны продавца. В решениях указывается на нарушение обязанностей сторон действовать честно при установлении и исполнении договора: продавец, зная о препятствиях, умышленно их скрыл, тем самым ввел покупателя в заблуждение. Это прямое нарушение принципа *thiện chí, trung thực*, конкретизированное через понятие обмана. В результате договор аннулируется, а стороны возвращаются в исходное положение; кроме того, виновная сторона может быть обязана возместить контрагенту убытки (расходы, понесенные в связи с заключением договора) [5].

Другой пример – неправомерное удержание суммы залога при расторжении договора. Во Вьетнаме широко используется институт договорного залога (аванса) при заключении, скажем, договора купли-продажи недвижимости: покупатель передает продавцу залог, который остается у продавца, если покупатель откажется от сделки, и возвращается в двойном размере, если продавец откажется от нее. В одном из рассмотренных дел (условно «Спор о залоге при отказе от договора продажи дома») суд оценивал поведение продавца, отказавшегося завершить сделку и оставившего за собой залог. Суд указал, что продавец нарушил принцип добросовестности, без достаточных оснований отказавшись от договора, поэтому не имеет права удерживать залог; напротив, по закону он должен вернуть аванс в двойном размере, как предусмотрено условиями задатка. Это решение согласуется с тем, что сторона, недобросовестно инициировавшая прекращение договора, несет негативные последствия².

Сопоставление российского и вьетнамского правовых подходов к принципу добросовестности показывает значительное сходство основных идей при некоторых различиях в акцентах и деталях.

Общие черты принципа добросовестности в гражданском праве России и Вьетнама заключаются в его признании в качестве фундаментального начала, прямо закреплённого в национальных гражданских кодексах и применяемого на всех стадиях договорных отношений – от заключения до прекращения договора. Обе правовые

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

² Верховный суд Вьетнама. Прецеденты Верховного суда 2016–2023 г. // Официальный портал Верховного народного суда Вьетнама. – URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn> (дата обращения: 07.05.2025).

системы исходят из недопустимости злоупотребления правом и использования недобросовестного поведения для извлечения выгоды, что сопровождается юридическими санкциями вплоть до отказа в защите прав нарушителя. Добросовестность служит критерием справедливого поведения и получает поддержку в судебной практике, а также в научной доктрине обеих стран, где она рассматривается как средство обеспечения баланса интересов сторон. При этом российская и вьетнамская правовые науки сходятся во мнении о необходимости конкретизации содержания этого принципа в целях предотвращения правовой неопределенности и повышения эффективности его применения.

Основные различия в подходах России и Вьетнама к принципу добросовестности объясняются различиями в правовых традициях, уровне детализации законодательства, развитости судебной практики и используемой терминологии. Российское право, опирающееся на романо-германскую традицию, более формализовано: после реформы 2013–2015 гг. ГК РФ содержит конкретные положения о сотрудничестве сторон, обмене информацией и добросовестных переговорах, а также опирается на разъяснения ВС РФ. Во Вьетнаме, где на правовую систему повлияли как французское, так и социалистическое право, принцип *thiện chí, trung thực* закреплён шире и менее детализирован, не имеет точной расшифровки и пока не сопровождается судебными разъяснениями высшей инстанции. Россия применяет принцип также к преддоговорным отношениям через норму о *culpa in contrahendo*, а во Вьетнаме последствия недобросовестных переговоров выводятся из общих положений. Российское право предлагает более разнообразные механизмы защиты от недобросовестности, включая эстоппель и отказ в иске без признания сделки недействительной, тогда как Вьетнам чаще прибегает к аннулированию договора и компенсациям. Кроме того, российская доктрина разработала понятие «принцип-презумпция» и активно использует производные концепции, в то время как во вьетнамской науке доминирует идея ограничения свободы договора через морально-этическое содержание принципа добросовестности [4].

Сравнительный анализ показывает, что принцип добросовестности является универсальной ценностью гражданского права независимо от страны. И в России, и во Вьетнаме законодатель стремится создать условия, при которых поря-

дочные участники оборота защищены, а нечестные – наказаны или лишены выгод. Российский опыт интересен вьетнамскому тем, что в России проведена относительно недавняя реформа, направленная на усиление роли этого принципа, разработаны судебные критерии. Вьетнамский опыт интересен тем, что он сочетает социалистические идеи морали с современными рыночными отношениями, и принцип *thiện chí, trung thực* служит мостиком между ними, позволяя внедрять в бизнес-среду этические стандарты [4].

Можно сделать вывод, что обе системы движутся в одном направлении: уточнение содержания добросовестности через практику, повышение значения этого принципа при разрешении споров, распространение его действия на все большее число ситуаций (включая цифровые сделки, долгосрочные контракты, инвестиционные соглашения и т. д.). В перспективе возможен обмен опытом между странами. Например, российские суды могли бы учесть интересный подход вьетнамских коллег по сочетанию добросовестности с понятием справедливости (как писал Ву Ван Май, если исход исполнения явно несправедлив, значит, не было доброй воли). А для Вьетнама может оказаться полезным российский механизм презумпции и разъясненной модели ожидаемого поведения.

Заключение. Принцип добросовестности прочно утвердился в гражданском праве как России, так и Вьетнама, играя роль нравственного и юридического ориентира для участников договорных отношений. Проведенное исследование показало, что несмотря на разные исторические корни и правовую культуру, оба государства пришли к сходному пониманию: договорные обязательства должны выполняться и прекращаться добросовестно, т. е. с честным соблюдением интересов контрагента, без обмана, злоупотреблений и недозволенных уловок.

Практическую значимость принципа добросовестности для обеих стран трудно переоценить. Для бизнес-сообщества он означает необходимость строить отношения на доверии и прозрачности, поскольку хитрые уловки и обманы все чаще обречены на юридическое фиаско. Для судов это гибкий инструмент восстановления справедливости, особенно в ситуациях, не урегулированных детально законом. Для законодателя это ориентир в дальнейшей модернизации гражданского законодательства (к примеру, при регулировании цифровых сделок или сложных финан-

совых продуктов принцип добросовестности будет служить отправной точкой).

В заключение подчеркнем слова одного из классиков вьетнамского права: «Исполнение обязательства доброй волей не может противоречить справедливости». Эта мысль универсальна и применима как к Вьетнаму, так и к России. Добросовестность служит мостом между буквой за-

кона и справедливостью, обеспечивая нравственную обоснованность юридически правильного решения. Таким образом, укрепление принципа добросовестности в правоприменении – залог повышения доверия к гражданскому обороту, снижения конфликтности и соблюдения баланса интересов сторон при исполнении и прекращении договорных обязательств.

Список литературы

1. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. – 1998. – № 8. – С. 3–8.
2. Кушнарев А. А. Нравственные понятия добросовестность и разумность в правовом применении // Апробация. – 2016. – № 7 (46). – С. 152–153.
3. Панина С. Д. Принцип добросовестности в гражданском праве современной России // Научный лидер. – 2024. – № 46 (196). – С. 52–61.
4. Gribanov V. P. The Principle of Good Faith in Soviet Civil Law. – Moscow : Nauka, 1986.
5. Nguyễn Minh Hằng. History and Philosophy of Vietnamese Contract Law // International Business Law Journal. – 2010. – No 4. – P. 345–357.
6. Phan Nhật Minh. Some Legal Issues in Vietnamese Civil Code 2015 Regarding Civil Obligations and Contracts // Vietnamese Journal of Legal Science. – 2017. – Vol. 4. – P. 112–123.
7. Vu Van Mau. Cours de Droit Civil Vietnamien : Vol. 2. – Saigon : Imprimerie La Boi, 1963.